

как правило, «тусуются» на уровне эфемерных знакомств (зона «знакомств»); затем приобретают способность быстро находить товарищей для определенного дела, образуя кратковременные группировки сотрудников (зона «сотрудничества»); наконец, по-настоящему интегрированные в «систему» обязательно принадлежат к какой-нибудь сравнительно стабильной малой группе и довольно редко появляются в местах общих тусовок, там, где проводят все время новички, где можно встретить много народа, познакомиться, получить поверхностную информацию типа «где сейшн», — в зоне «знакомств». Процесс вхождения в «систему» можно считать завершенным, когда человек находит «свою» группу.

Несколько слов в заключение. Мы рассмотрели только одну разновидность «системной» символики — «феньки». На самом деле символика здесь гораздо более многообразна: символическую нагрузку несут язык, высказывания, маперы, позы, места встреч и т. д. и т. п. Символика буквально пронизывает все виды «системного» взаимодействия — собственно, это и заставило нас выбрать «систему» как поле исследования символов. На примере фенек мы постарались проанализировать некоторые аспекты восприятия символов и их воздействия на поведение. Выяснилось, что символ служит средством управления поведением отдельного члена «системы» и согласования его поведения с действиями других «пипл». В самом полном случае можно представить следующую цепочку передачи управленческих сигналов: лидер — «я» — взаимодействующие с ним «пипл». Символ служит средством передачи сигнала.

Манипуляции с символами приводят к сложению социальных связей: вначале «я» с управляющим ядром группы (ее лидером либо воображаемым учителем, на которого можно ориентироваться, подражая ему, — это может быть рок-кумир или мифологический персонаж, например Кришна); затем «я» с остальными членами этой или других групп, т. е. социальной средой. Отношение «я» — лидер определяет социальный статус; социальная среда, реагируя на знаки этого статуса, осуществляет его на практике.

Разумеется, управление еще не исчерпывает социальных функций символики. Существует, как известно, система таких функций⁸. Наши материалы позволяют, например, говорить о таких направлениях функционирования символики, как «символы и традиция», «символы и внутригрупповая социализация» и т. д. Но все это — темы уже отдельных работ.

⁸ Байбури А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 7—21 (особ. с. 18, 21).

М. Л. Бутовская

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И МЕТОДОВ В АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Этологическим источникам информации до сих пор уделялось явно недостаточно внимания в этнографической и антропологической литературе. Такое положение вещей вполне объяснимо и связано с объективными и субъективными факторами: 1) если о сходстве морфологии гоминид и обезьян можно судить весьма точно, то любые рассуждения о поведении наших гоминидных предков всегда останутся весьма предположительными; 2) определенную отрицательную роль здесь сыграли социозтологические и социобиологические исследования, в которых некорректно использовались сведения по этологии животных и человека и которые способствовали пропаганде животной природы человека, а так-

же использовались в политике для обоснования естественности классового неравенства, расизма и войн¹. В настоящее время когда в советской литературе преобладают идеи о биосоциальной² или интегрально-социальной³ природе человека, у ученых существуют реальные условия для того, чтобы осмыслить этологические материалы, избегая при этом крайностей биологизаторства либо социологизаторства.

Цель данной работы — показать перспективность поведенческих исследований применительно к решению антропологических и этнографических проблем. В связи с этим были поставлены следующие задачи: 1) дать общий анализ этологического и социобиологического направлений в исследовании социального поведения человека; 2) показать необходимость комплексного исследования проблем антропосоциогенеза с учетом этологических материалов; 3) уяснить возможность применения конкретных этологических и социобиологических представлений в антропологии и этнографии.

А. Этология — наука о поведении. Следует сказать, что само слово «этология» использовалось во второй половине XVIII — начале XIX в. только применительно к человеку, «для обозначения и интерпретации характера путем изучения жестов».⁴ Как самостоятельная научная дисциплина этология возникла и оформилась в начале XX в. Вначале она занималась определением и сравнительным анализом различных стереотипных движений животных и их инстинктов. Возникновение этого научного направления связано с работами У. Крэйга, Ч. О. Уитмена, О. Хейнрота. Вершины своего развития классическая этология достигла в трудах К. Лоренца, Н. Тинбергена, К. фон Фриша. Несмотря на то что представители классической школы основное внимание уделяли изучению врожденных, генетически обусловленных форм поведения⁵, необходимо все же отметить, что объектом их исследования являлась целостная система поведения, включающая не только врожденные, но и приобретенные элементы. Этология в современном виде тесно взаимодействует со сравнительной психологией и зоопсихологией. В настоящее время можно говорить о формировании своеобразной синтетической науки о поведении, изучающей широкий спектр вопросов, связанных с эволюцией поведения, определением его адаптивной функциональной значимости, исследованием механизмов развития поведения и контроля за отдельными его проявлениями⁶. Этологи осознают, что поведение в естественных условиях представляет единый комплекс реакций, неразрывно связанных с морфологией объекта, прежде всего со строением нервной системы⁷. Происходит явный отход этологов от традиционных исследований в области «эволюции инстинктов». Первоочередная задача исследований этого направления в настоящее время не сводится к определению того, какая форма поведения и насколько определяется генотипом животного или влиянием внешней среды (напомним, что Л. В. Крушинский вообще считал, что вопрос о врожденных или приобретенных формах поведения попросту лишен смысла)⁸. Эта задача скорее может состоять в определении уровня развития поведения, «высоты психики» и способности к определенным действиям у представителей разных таксо-

¹ Ardrey R. The Territorial Imperative. N. Y.: Athencum, 1966; Morris D. The Naked Ape. N. Y., 1967; Tiger L., Fox R. The Zoological Perspective in Social Science// Perspectives on Human Evolution. N. Y., 1980. P. 348—357.

² Беляев Д. К. Современная наука и проблемы исследования человека//Вопр. философии. 1981. № 3. С. 3—16; Ефимов Ю. И. Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л., 1981.

³ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974; Zubov A. A. Общие предпосылки гоминизации//Вопр. антропологии. 1983. Вып. 71. С. 29—41.

⁴ Thorpe W. H. Animal Nature and Human Nature. L.; N. Y., 1974. P. 147.

⁵ Пинов Е. П. Этология — ее истоки, становление и место в исследовании поведения. М., 1975.

⁶ Дьюсбери Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М., 1981.

⁷ Мантейфель Б. П. Экологические и эволюционные аспекты поведения животных. Л., 1987.

⁸ Крушинский Л. В. Предисловие//Шовен Р. Поведение животных. М., 1972. С. 5—8.

нов (по мнению А. Н. Северцова, их можно рассматривать как врожденные⁹), а также степени variability этих действий, которая не может быть наследственной. Нужно помнить, что способность к определенным формам поведения детерминирована наследственно в значительной мере потому, что она определяется «строением и функциями организма и его морфо-функциональными особенностями»¹⁰.

Б. Социобиология — комплексная дисциплина, изучающая эволюцию группового поведения. В последние несколько десятилетий в качестве самостоятельного направления создана наука об эволюции группового поведения животных и человека — социобиология. Она представляет собой вариант синтеза естественнонаучных и исторических дисциплин, популяционной генетики, синтетической теории эволюции, этологии, психологии, физической антропологии и этнографии. Цель социобиологии — изучить биологические основы социального поведения, «выяснить его видовую специфику и проследить генезис и эволюцию от простых форм организации до человека»¹¹. Почва для развития этой дисциплины была подготовлена работами В. Гамильтона, Л. Тайгера и Р. Фокса, Р. Александера¹². Социобиология окончательно оформилась в самостоятельное научное направление с выходом в свет книги Е. Вильсона «Социобиология: новый синтез», представленной в виде двух разделов: социобиологии животных и социобиологии человека. В качестве универсальной, всеобщей закономерности социального поведения животных и человека социобиологи выдвигают эволюцию путем естественного отбора. Их теория основывается на четырех основных парадигмах: 1) гены — звено в цепи естественного отбора (эгоизм генов); 2) эволюционно-стабильные стратегии; 3) альтруизм; 4) родственный отбор и итоговая приспособленность¹³. Основные проблемы эволюции социального поведения многие исследователи этой школы пытаются решить с позиций индивидуального отбора; они представляют естественный отбор как постоянную борьбу особей за сохранение и распространение их генов в последующих поколениях¹⁴. Некоторые ученые не просто недооценивают роль группового отбора в социальной эволюции животных и человека, но и полностью ее отрицают. Такова, например, позиция Р. Довкинса¹⁵. Именно в его трудах в крайней форме проявилась тенденция к поискам материальных носителей социального поведения, характерная для всего социобиологического направления. По его мнению, в процессе эволюции отбираются не популяции и даже не отдельные особи, а гены. Организм — «колония» генов, а люди — «живые машины», созданные генами¹⁶. Сущность борьбы за существование сводится Р. Довкинсом к понятию агрессивных взаимодействий между особями, обусловленным эгоизмом их генов.

Социобиология человека помимо общих задач предполагает также исследование «степени человеческой адаптации к современной культуре и выявление филогенетических следов, присущих человеку как зоологическому виду, не устранимых под влиянием культуры»¹⁷. Хотя социобиологи и подчеркивают, что их исследования далеки от вульгарно-редукционистских идей ранних социозологов, в которых человеческое по-

⁹ Северцов А. Н. Эволюция и психика. М., 1922.

¹⁰ Мантейфель Б. П. Указ. раб. С. 10.

¹¹ Wilson E. O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, Mass., 1975. P. 4.

¹² Hamilton W. D. The Genetical Evolution of Social Behavior//J. Theor. Biol. V. 7. 1964. P. 1—16, 17—52; Alexander R. D. The Evolution of Social Behavior//Ann. Rev. Ecol. Syst. V. 5. 1974. P. 326—383; Tiger L., Fox R. The Imperial Animal. St. Albans, 1974.

¹³ Wind J. Sociobiology and the Human Sciences: An Introduction//J. Human Evol. V. 13. 1984. P. 3—24.

¹⁴ Alexander R. D. Op. cit.; Wind P. Man's Selfish Genes, Social Behavior and Ethics//Social. Biol. Struct. V. 3. 1980. P. 33—41.

¹⁵ Dawkins R. The Extended Phenotype. The Gene as the Unit of Selection. Oxford; San Francisco, 1981.

¹⁶ Idem. The Selfish Gene. Oxford, 1977. P. 2. 49.

¹⁷ Wilson E. O. Op. cit. P. 548.

ведение откровенно сводилось к биологическим корням¹⁸, тем не менее их представления об отсутствии качественной разницы между социальным поведением у животных и человека по сути дела представляют типично редуccionистский генетический подход к изучению человека как общественного организма¹⁹. В социобиологических исследованиях в трансформированном, модернизированном виде вновь появляется социал-дарвинистская трактовка общественных отношений: «Не нужна никакая другая теория, отличная от дарвиновской, для объяснения развития и сохранения основных общих черт человеческой социальной организации»²⁰. Такая трактовка, несомненно, является следствием универсализации теории итоговой приспособленности и всеобщего стремления всех живых организмов, включая человека, к достижению максимального репродуктивного успеха и применения этих концепций для объяснения всех сторон человеческой жизни — от индивидуального до государственного уровня²¹. Согласно ей, политические процессы рассматриваются с точки зрения эволюционной теории и сводятся к борьбе за репродуктивный успех, а вся политическая система — как проявление соревнования за высокий иерархический статус²². Указанные закономерности совершенно идентифицируются со стремлением животных к доминантному положению. Высказываются предположения, близкие к представлениям психологического расизма, о том, что богатство и слава в современном обществе являются аналогами силы в популяциях животных, а «миллионеры являются продуктом естественного отбора»²³.

Следует сказать, что тезис «отбором в процессе эволюции отбираются преимущественно доминантные особи» несостоятелен не только по отношению к человеку. Об этом свидетельствуют практические результаты многолетних наблюдений за поведением приматов, а также теоретические положения о важной роли разнокачественных особей в группе²⁴. Этология приматов накапливает также и сведения, заставляющие подвергнуть сомнению представления о тесной связи доминантного статуса и максимального репродуктивного успеха особей²⁵. Характерная ошибка социобиологов — полное игнорирование различий в функционировании систем разного уровня и особых законов, действующих на каждом из них, зачастую направленных на достижение целей, принципиально отличных от целей, преследуемых на высшем или более низком уровне. Очевидно, что социальная структура групп скорее всего не может передаваться генетически на индивидуальном уровне не только у человека, но и у приматов²⁶. Значительную роль в характеристике социальной системы играют ее специфическая, конкретная история и условия, в которой эта система существует. Уникальная способность человека к образованию макропопуляций, не имеющих аналогов в животном мире, несомненно, является качественной особенностью, игнорируемой социобиологами.

В. Трудовая теория антропосоциогенеза и теория генно-культурной коэволюции (два взгляда на происхождение человека и общества). Теория генно-культур-

¹⁸ Ardrey R. Op. cit.; Morris D. Op. cit.

¹⁹ Lumsden C. J., Wilson E. O. Promethian Fire. Cambridge; London, 1983. P. 5.

²⁰ Tiger L., Fox R. The Zoological Perspectives in Social Science. P. 348.

²¹ Western J. D., Strum Sh. C. Sex Kinship and the Evolution of Social Manipulation//Ethol. & Sociobiol. V. 4. 1983. P. 19—28.

²² Tiger L., Fox R. The Imperial Animal. P. 43, 51.

²³ Lockard J. S. Studies of Human Social Signals: Theory, Method and Data//The Evolution of Human Social Behavior. N. Y.; Oxford, 1980. P. 1—31; Роцин С. К. Психологическая наука и расизм//Расы и общество. М., 1982. С. 147—190.

²⁴ Chance M. R. A. The Organization of Attention in Groups//Methods of Inference from Animal to Human Behaviour. Chicago, 1976. P. 213—236; Bernstein I. S. Dominance: the Baby and the Bathwater//Behavior and Brain Sciences. V. 4. 1981. P. 419.

²⁵ Saayman J. S. Behaviour of the Adult Males in a Troop of Freeranging Chacma Baboons (P. ursinus)//Folia primatol. V. 15. 1971. P. 36—57; Shively C., Clarke A. S., King N., Schapiro S., Mitchell G. Patterns of Sexual Behavior in Male Macaques//Amer. J. Primatol. V. 2. № 4. 1982. P. 373—384.

²⁶ Cranach M. V. Inference from Animal to Human Behaviour: Conclusions//Methods of Inference from Animal to Human Behaviour. P. 355—389.

ной коэволюции активно развивается К. Ламсденом и Е. Вильсоном²⁷ и ставит целью выявление основных закономерностей эволюции человека под действием биологических и социальных факторов. В этом плане она имеет несомненное сходство с идеями наших отечественных исследователей о едином, взаимосвязанном процессе антропосоциогенеза²⁸. Теории антропосоциогенеза и генно-культурной коэволюции имеют, однако, ряд принципиальных различий. Для социобиологов характерно механистическое, упрощенное представление о сущности данного процесса: он сводится к эволюции разума (mind) и культуры. Постулируется существование дискретных единиц культурного наследования — «культурге-нов», или «меме»²⁹. Генно-культурная коэволюция происходит на основе определенных эпигенетических правил, представляющих собой, по мнению К. Ламсдена и Е. Вильсона, «любую закономерность во время эпигенеза, которая канализирует развитие анатомических, физиологических, поведенческих признаков в конкретном направлении. Эпигенетические правила — генетические в своей основе в смысле, что их природа зависит от ДНК»³⁰. Последнее положение тесно переплетается с другим представлением этих исследователей — о том, что чисто культурная, ненаследственная передача информации — «неправдоподобная альтернатива генетическому наследованию»³¹. Авторы видят сущность сложного процесса антропосоциогенеза только в изменениях человеческого генотипа. Подобный редукционизм объясняется вульгарными материалистическими установками К. Ламсдена и Е. Вильсона. Социобиологи рассматривают эволюцию человеческого общества как эволюцию культуры (единственного специфического, с их точки зрения, человеческого качества). В результате вопрос о переходе от биологического к социальному заменяется вопросом «о становлении не общества, а культуры»³².

Позиция К. Ламсдена и Е. Вильсона по вопросу о роли индивидуального и группового отбора в антропосоциогенезе принципиально отличается от позиции советских ученых. Все социальное поведение и общественные отношения, по мнению К. Ламсдена и Е. Вильсона, хорошо интерпретируются сквозь призму индивидуальных интересов и устремлений, а следовательно, антропосоциогенез сводится к эволюции путем индивидуального отбора. Следует, однако, сказать, что подобные представления разделяются не всеми социобиологами. Например, Д. Фриман признает, что наряду с индивидуальным, несомненно, происходит и групповой отбор³³. Он совершенно правильно отмечает, что группа столь же первична, как и отдельная особь, и многие феномены теряют смысл, если их анализировать в понятиях соревнования между отдельными особями.

Представляется совершенно очевидным, что групповой отбор на определенной стадии биологической эволюции начинает играть значительную роль. Он не вытесняет индивидуальный отбор, а выступает с ним в тесном единстве. Кажущиеся противоречия функционирования этих двух типов отбора в действительности лишь повышают гибкость функционирования живых систем на более высоком, популяционном уровне.

Не видят К. Ламсден и Е. Вильсон и принципиальных различий в протекании эволюционных процессов на разных этапах антропосоциогенеза. Они рассматривают естественный отбор как единственную движущую силу даже при решении вопросов происхождения речи, сознания, абстрактного мышления и культуры. Влияние социально-экономических отношений не учитывается даже при обсуждении вопроса становления

²⁷ Lumsden C. M., Wilson E. O. *Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process*. Cambridge, 1981.

²⁸ Семенов Ю. И. Предпосылки становления человеческого общества // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 228—292; Ефимов Ю. И., Мозолев А. П. и др. Современный дарвинизм и диалектика познания жизни. М., 1985.

²⁹ Lumsden C. M., Wilson E. O. *Genes, Mind and Culture*. P. 368; Dawkins R. *The Selfish Gene*.

³⁰ Lumsden C. J., Wilson E. O. *Genes, Mind and Culture*. P. 370.

³¹ Wilson E. O. *Op. cit.*

³² Семенов Ю. И. Указ. раб. С. 240.

³³ Freeman D. G. *Human Sociobiology: A Holistic Approach*. N. Y., 1979. P. 121.

Homo sapiens. В концепции генно-культурной коэволюции отсутствуют представления об изменении характера эволюционного процесса, темпах естественного отбора, нет представлений о перестройке самих эволюционных процессов (эволюции факторов эволюции)³⁴. Трудовая теория антропосоциогенеза в этом плане представляет собой прямую противоположность теории генно-культурной коэволюции. Напомним, что в советской науке решение проблемы происхождения человека традиционно являлось сферой взаимодействия естественных и общественных наук³⁵. В настоящее время при анализе движущих сил и факторов антропогенеза советские исследователи, как правило, детально рассматривают взаимодействие двух типов отбора: биологического и социального — в разные периоды человеческой эволюции³⁶. В качестве основной причины преобразования биологической формы движения материи в социальную видят труд осознанный, целенаправленный, не закрепленный на основе генетической памяти. Исследователи прослеживают возникновение нового механизма передачи опыта и навыков из поколения в поколение — механизма «коллективной памяти»³⁷. Ее носителем становится индивидуум — субъект, а не его генотип. В настоящее время в советской науке признаются нецелесообразность обсуждения вопроса о четкой грани между животными и человеком и невозможность провести границу между биологическими формами и «мыслящей материей»³⁸. Антропосоциогенез рассматривается как сложный многофазный процесс, сопряженный с дифференциацией действия движущих сил на его отдельных этапах, связанных с разнообразным типом снятия биологического социальным³⁹. При этом становление и развитие социальной формы движения материи связывается не с «отбрасыванием» предшествующей стадии, а с ее диалектическим отрицанием, включающим в себя и накопление предшествующих качеств, и редукцию⁴⁰. Сущность процесса антропосоциогенеза наиболее убедительно продемонстрирована сторонниками интегрально-социального подхода к изучению человека⁴¹: благодаря трудовой деятельности человек не только выделился из животного мира, но и обрел новую (социальную) форму бытия; вместе со становлением человеческого общества возникла и новая форма движения материи — социальная. Как справедливо констатирует А. А. Зубов, «мы называем человека социальным существом потому, что определение эволюционного положения объекта дается по высшему достигнутому им уровню, а не по сумме пройденных уровней»⁴².

Г. Этология — способ изучения биологических предпосылок антропосоциогенеза.

Совершенно очевидно, что отечественные ученые не игнорируют роль естественного отбора и биологических компонентов антропосоциогенеза. В советской литературе детально исследуются и анализируются возможные биологические предпосылки антропосоциогенеза. Однако в отличие от социобиологических в этих исследованиях отмечается существенная разница между сущностью социального в человеческом обществе и его биологическими предпосылками⁴³. Важной предпосылкой гоминизации, по-видимому, следует считать повышение роли этологической, ненаслед-

³⁴ Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции. Л., 1977.

³⁵ Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1969; Алексеева Л. В. Стадная жизнь приматов и проблема возникновения первобытного общества // Биологические предпосылки гоминизации. М., 1976. С. 43—54; Шмальгаузен И. И. Пути и закономерности эволюционного процесса. М., 1983.

³⁶ Ефимов Ю. И. Указ. раб.; Семенов Ю. И. Указ. раб.

³⁷ Моисеев Н. Н. Человек, среда, общество. М., 1982. С. 117.

³⁸ Там же. С. 114.

³⁹ Ефимов Ю. И., Мозолев А. П. и др. Указ. раб. С. 256.

⁴⁰ Там же. С. 281.

⁴¹ Орлов В. В. Указ. раб.; Зубов А. А. Указ. раб.

⁴² Зубов А. А. Указ. раб. С. 30.

⁴³ Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970; Файнберг Л. А. У истоков социогенеза. М., 1980; Бутовская М. Л. Этологические механизмы некоторых форм группового поведения приматов как предпосылка антропосоциогенеза. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

ственной информации в жизни приматов. Передача ненаследственной информации у птиц и млекопитающих из поколения в поколение доказана многочисленными работами эволюционистов, этологов, психологов и получила название «сигнальной преемственности»⁴⁴. Освоение такой экстрагенетической информации осуществляется путем имитации и подражания, представляющих особый механизм научения, имеющий место наряду с условно- и безусловно-рефлекторным⁴⁵. Явление научения тесно связано с механизмом запечатления (и человек не исключение из общего правила). Суть этого процесса сводится к тому, что особи способны перенять определенные формы поведения лишь в конкретные периоды своего онтогенеза. Явление сигнальной преемственности тесно взаимосвязано с генетической нормой реакции, определяющей конкретные периоды восприимчивости к обучению определенной форме поведения (в отличие от утверждения социобиологов о том, что наследуется способность к обучению определенной форме поведения, по-видимому, следует признать, что у животных существуют генетически фиксированные сроки восприятия определенных типов информации, но ни в коем случае не предрасположенность к конкретным формам поведения). В процессе эволюции, вероятно, происходило удлинение чувствительных периодов, связанных с освоением протокультурных традиций, применением орудий, усовершенствованием методов защиты от хищников, добычи и обработки корма. Яркий тому пример — разнообразный возрастно-половой состав активно обучающихся особей в колониях макак и шимпанзе⁴⁶. Явление сигнальной преемственности и резкое увеличение роли прижизненного опыта в сравнительном ряду у приматов, по нашему мнению, наглядно подтверждают идею А. А. Зубова о неизбежности перехода от генетического способа фиксирования информации к новому, более совершенному — на основе памяти⁴⁷.

Как правило, антропологи и философы рассматривают групповой отбор в качестве важнейшей движущей силы гоминидной эволюции⁴⁸. Эту точку зрения разделяют в настоящее время и некоторые социобиологи⁴⁹. Она в значительной степени подтверждается данными этологии приматов.

Важным фактором группового отбора уже на уровне низших узконосых обезьян выступает этологический механизм деления групп. Как показали длительные исследования степени генетического разнообразия макак резусов на межгрупповом уровне, основная генетическая дифференциация происходит вследствие распада и образования групп⁵⁰. Как ни парадоксально, но именно группы, связанные между собой общей предковой единицей, оказывались в генетическом и морфологическом соотношениях наиболее различными. Стало ясно, что при делении групп у макак особи распределяются не случайно, а концентрируются по матрилинейному принципу. Длительно существующие генеалогии делат-

⁴⁴ Промптов А. Н. Очерки по проблеме биологической адаптации поведения воробьиных птиц. М.; Л., 1956; Лобашев М. Е. Сигнальная наследственность: исследования по генетике. Л., 1961. С. 3—11; Мантейфель Б. П. Указ. раб. С. 111.

⁴⁵ Фирсов Л. А. Высшая нервная деятельность обезьян и проблемы антропогенеза//Физиология поведения. Нейробиологические закономерности. Л., 1987. С. 639—711.

⁴⁶ Tsumori A. Newly Acquired Behavior and Social Interactions of Japanese Monkeys//Social Communication Among Primates. Chicago, 1967. P. 207—219; McGrew W. C., Roger M. E. Chimpanzees, Tools and Termites: New Record From Gabon//Amer. J. Primatol. V. 5. 1983. P. 171—174.

⁴⁷ Зубов А. А. Указ. раб. С. 38.

⁴⁸ Его же. Антропогенез как фаза эволюции живого мира//Биологические предпосылки гоминизации. М., 1976. С. 7—20; Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.

⁴⁹ Alexander R. D., Borgia G. Group Selection, Altruism and the Levels of Organization of Life//Ann. Rev. Ecol. & Syst. V. 9. 1978. P. 449—474; Melotti U. Competition and Cooperation in Human Evolution//The Mankind Quarterly. V. 25. № 4. 1985. P. 323—352.

⁵⁰ Chepko-Sade D. Monkey Group Splits Up//New Sci. V. 82. № 1153. 1979. P. 348—350; Cheverud J. M., Dow M. M. An Autocorrelation Analysis of Genetic Variation Due to Lineal Fission in Social Groups of Rhesus Monkeys//Amer. J. Phys. Anthropol. V. 67. № 2. 1985. P. 113—122.

ся строго по линиям доминирования: высокоранговые особи входят в одну группу, низкоранговые — в другую. Таким образом, этологический механизм деления групп не только играет решающую роль в обеспечении максимального морфологического разнообразия двух дочерних групп, но и обеспечивает их исходные социальные различия. В то же время сходство протокультурных традиций у дочерних групп сохраняется, и, таким образом, обеспечивается максимально разнообразная база (социальная и генетическая) для сохранения ценных традиций и передачи их потомству.

Деление группы у макаков, с нашей точки зрения, может рассматриваться как модель аналогичного процесса в популяциях ранних гоминид. Этологические механизмы, обеспечивающие создание максимального генетического различия дочерних групп, представляют собой предпосылку зарождения новых социальных закономерностей, оказывающих существенное влияние на интенсификацию группового отбора.

В процессе прогрессивной эволюции в направлении гоминизации большую роль могла сыграть дифференциация поведения особей на индивидуальном уровне, связанная с уникальностью их прижизненного опыта в сочетании с индивидуальными психическими задатками. Индивидуализация поведения способствовала повышению пластичности функционирования группы в целом и обеспечивала определенный запас адаптаций к изменяющимся условиям среды. Тенденция к развитию индивидуализации поведения прослеживается в сравнительном ряду приматов. Каждая особь в группе в течение жизни выполняет различные функции и играет разные социальные роли. Подростки и взрослые особи образуют независимые иерархические системы; при достижении половой зрелости часть особей определенного пола (самцы у макаков, самки у шимпанзе) покидают нательную группу и переходят в чужую, где вынуждены «завоевывать» себе статус. Период достижения половой зрелости — наиболее ответственный в жизни особи. В это время она должна утвердить свои позиции в группе. Не случайно именно на этот период приходится пик социальной, исследовательской и половой активности у приматов. Особые требования предъявляются к лидеру группы. От него требуются не только способность к регуляции внутригрупповых отношений, инициатива выбора направления движения при переходах, умение защитить группу в случаях опасности, но и целый ряд индивидуальных качеств: сообразительность, умение контактировать со всеми членами группы, инициативность. Последние черты поведения лидера в процессе эволюции приобретают особое значение. Например, у антропоидов неподчиненные особи подстраиваются под поведение вожака и следят за любыми его действиями, а сам лидер группы постоянно привлекает внимание других особей⁵¹. Одним из наиболее эффективных средств такого рода выступают видоспецифические демонстрации и необычные формы поведения.

Степень индивидуализации поведения у наших предков, вероятно, находилась в прямой зависимости от той социальной роли, которую выполняла в группе конкретная особь. Эта тенденция, несомненно, получила свое дальнейшее развитие у гоминид.

С изучением индивидуальных особенностей поведения и выяснением роли отдельных особей в функционировании группы тесно связан вопрос о происхождении альтруизма. Сторонники социобиологического подхода сводят проявление актов альтруизма к реализации интересов отдельной особи, связанных с максимальным сохранением и распространением собственных генов в последующих поколениях⁵². Полностью отсутствуют представления о том, что особь может вести себя двояко — отстаивая личные интересы (как независимая единица) и в ущерб им (как часть единого целого). Основные усилия социобиологической теории направлены на поиски «генетического компонента» в определении механизмов

⁵¹ *Chance M. R. A. Attention Structures as the Basis of Primate Rank Orders// Man. V. 2. 1967. P. 503—518.*

⁵² *Wilson E. O. Op. cit.; Dawkins R. The Extended Phenotype.*

альтруистического поведения (не только у животных, но и у человека). Модели родственного альтруизма основаны на допущении возможности увеличения частоты «генов альтруизма» в популяции⁵³. Свои модели социобиологи подкрепляют трактовками антропологического и этнографического материала; объясняя причины, по которым родственникам во многих культурах отводятся особые привилегии, Д. Фриман исходит из концепции совпадения культурного и генетического родства⁵⁴. Этот исследователь связывает высокий уровень взаимопомощи и альтруизма в Японии с «якобы высоким уровнем генетической гомогенности японцев»; сходным образом он объясняет и обычай усыновления взрослых мужчин в Японии⁵⁵. Подобные построения не соответствуют реальным научным фактам. Известно, что японская нация не может считаться исходно антропологически однородной. Несмотря на единый, достаточно консолидированный антропологический тип, в ней выделяются отдельные локальные варианты (в частности, уроженцы островов Рюкю, Хоккайдо, Сикоку)⁵⁶. Отсутствуют какие бы то ни было представления о волнах эмиграции и инфильтрации на Японские острова.

Модель реципрокного альтруизма подчеркивает неизменную взаимную выгоду такого поведения у животных и человека и также отстаивает существование генетического компонента этого типа поведения⁵⁷.

Думается, альтруизм можно представить себе как действия особей, направленные на благо всей группы. Его происхождение может быть связано с эволюционной тенденцией к повышению индивидуальной различаемости особей в группе. Для группы в целом полезными оказывались не только молодые и энергичные особи, но и детеныши, старики. Старые особи выполняли функцию передачи накопленного группового опыта, а детеныши представляли своеобразный резерв, от сохранения которого зависело будущее существование группы. Несомненно, поддержка старых и калек в значительной мере определялась личными качествами этих особей, их умением и желанием активно участвовать в функционировании группы.

Часто эволюцию человеческого поведения в направлении альтруизма и коллективизма изображают как преодоление противоречий «животного индивидуализма»⁵⁸. Думается, это не совсем справедливо. Биологический «коллективизм» выражен у обезьян достаточно отчетливо: многие их действия связаны с поддержанием группового единства и обеспечением стабильных внутргрупповых отношений. На это направлены действия контролирующего животного, буферы агрессии, забота о чужих детенышах, кооперация и взаимопомощь. Существенную роль в развитии альтруизма могли сыграть способность к опознанию родственников особей и развитие значительных индивидуальных привязанностей. Анализ поведения обезьян позволяет предположить наличие реальных предпосылок, делающих более понятной возможность сохранения калек, стариков и детей у наших далеких предков даже в периоды неблагоприятных природных условий. Лишь значительно позднее, с развитием морали и нравственности, мог появиться истинный альтруизм — как сознательное действие, уникальный социальный феномен⁵⁹.

При изучении биологических предпосылок антропосоциогенеза перспективным может оказаться метод функциональных аналогий. Некорректное применение данного метода в социобиологических исследованиях не должно служить причиной для отказа от него. Ошибки социобиологов связаны были отнюдь не с использованием метода функцио-

⁵³ Alexander R. D. Op. cit.

⁵⁴ Freeman D. G. Op. cit.

⁵⁵ Ibid. P. 124.

⁵⁶ Левин М. Г. Этническая антропология Японии. М., 1971. С. 203.

⁵⁷ Trivers R. L. The Evolution of Reciprocal Altruism // Quarterly Review of Biology. V. 46. 1971. P. 35—57.

⁵⁸ Семенов Ю. И. Указ. раб.

⁵⁹ Эфроимсон В. П. Эволюционно-генетическое происхождение альтруистических эмоций // Научная мысль. Вестн. Агентства печати «Новости» (АПН). Вып. 11, М., 1968. С. 27—41.

нальных аналогий, а скорее с их общетеоретическими установками: сведением высших уровней интеграции к низшим (поиски основы социального поведения человека и животных в генотипе отдельных особей), поиском аналогий между социальным поведением человека и животных на основе сходства среды обитания (при этом не учитывалось то обстоятельство, что основой окружающей среды у человека всегда выступают социально-экономические отношения и культура).

Этологические материалы могут способствовать решению широкого спектра вопросов истории первобытного общества, связанных с его зарождением и самыми ранними этапами развития: о взаимоотношениях между полами, родственных связях, иерархической структуре праобщины, возникновении истинного альтруизма, повышении роли отдельной особи в группе, путях возникновения инцест-табу, принципах взаимоотношений между соседними группами. Объективное исследование этологических данных для выявления биологических предпосылок антропогенеза имеет не только научное, но и идеологическое значение, поскольку позволяет выдвинуть конкретные аргументы против теорий, биологизирующих человеческие общественные отношения.

Д. Поведение человека (этнорасовые аспекты). Любые исследования поведения человека традиционно вызывали и вызывают бурные научные дискуссии по вопросу о его врожденном (биологическом по сути) или приобретенном характере. Крайняя биологизация человеческого поведения, предложенная в работах некоторых классических этологов и их популяризаторов⁶⁰, сыграла чрезвычайно отрицательную роль, породив в целом негативное отношение к этологии человека не только у философов, но и у социологов, антропологов, этнографов. В настоящее время некоторые сходные концепции развивают в своих работах социобиологи. Они справедливо указывают на существование врожденной способности человека к обучению в процессе онтогенеза, однако понимают это явление слишком буквально: человек, с их точки зрения, запрограммирован на обучение четко предопределенным вещам: полигамии, доминированию мужчин над женщинами, проведению церемоний инициации⁶¹. В качестве врожденного человеческого признака выделяются страх перед пресмыкающимися и тяготение к среде обитания, напоминающей по типу парковую саванну⁶². Признание биологической детерминации основ человеческого социального поведения привело социобиологов к частичному или полному отрицанию влияния социоэкономических условий на формирование культуры, идеологии и морали. Такие позиции независимо от личной установки исследователей, по справедливому замечанию Д. К. Беляева, неизбежно ведут к расизму⁶³.

Значительный интерес для антропологов и этнографов могут представлять исследования невербальной коммуникации человека и процесса раннего онтогенеза социального поведения. Исследования данного направления в недалеком будущем, по-видимому, позволят реально прояснить вопросы о существовании исходного единства проявлений элементарных эмоций у представителей всех рас, вероятность их модификаций на межэтническом уровне; о существовании исходных меж- и внутрирасовых врожденных различий уровня поведенческой адаптации. Рассмотрим подробнее намеченные этологами пути решения указанных проблем.

Исследования проявлений эмоций в эволюционном аспекте традиционно связаны с детальным изучением морфологии элементов поведения, в основе которой лежат механизмы двигательной координации. По форме многие элементы поведения оказываются сходными у разных видов. Но при межгрупповом сопоставлении значительно более важным бывает установить причины проявления этих элементов и пути их интеграции в

⁶⁰ Lorenz K. On Aggression. L., 1966; Ardrey R. Op. cit.; Morris D. Op. cit.

⁶¹ Lockard J. S. Op. cit.; Borgia G. Human Aggression as a Biological Adaptation// The Evolution of Human Social Behavior. New York; Oxford, 1980. P. 165—192.

⁶² Wilson E. O. Biophilia. Cambridge, Mass.; London, 1984.

⁶³ Беляев Д. К. Указ. раб.

перархическую организацию поведенческих систем⁶⁴. И. ван Хуфф проследил существование гомологической связи целого ряда мимических выражений человека и обезьян. Прежде всего это касается проявлений тревоги, угрозы, злости, улыбки, смеха. Исследования И. ван Хуффа указывают на значительную долю генетического компонента в выражении элементарных эмоций. К сожалению, этологи как правило уделяют слишком мало внимания вопросу о различиях между эмоциями и поведением, зачастую смешивая данные понятия или полагая, что эмоции составляют основную причину выражения конкретного поведения⁶⁵.

Поразительно сходно развитие основного репертуара эмоциональных выражений у слепоглухонемых детей — представителей разных рас⁶⁶. Существует, по-видимому, значительное сходство и в восприятии эмоций людьми разных культур, даже если они до этого не контактировали между собой⁶⁷. Демонстрация общих видоспецифических для человека мимических выражений, имеющих универсальный характер, не означает полного отсутствия культурных различий. Они, несомненно, имеют место и «связаны со степенью проявления и условиями, при которых эмоции проявляются, — с правилами их применения»⁶⁸.

Различия между человеком и остальными приматами в проявлении мимических выражений носят принципиальный характер: у обезьян мимика используется для регуляции социальных отношений, ее основная функция состоит в передаче информации об отношении демонстратора к объекту; у человека же мимика отражает его восприятие среды или подкрепляет и дополняет вербальную коммуникацию. Исследование эволюции мимики представляет собой один из наиболее удачных примеров, демонстрирующих возможность и необходимость применения этологических методов исследования для решения антропологических и этнографических задач. Данные И. ван Хуффа и других авторов заставляют избегать категоричных утверждений о культурной регуляции эмоций и отсутствии универсальных символов эмоций для человечества в целом, получивших, к сожалению, определенную популярность среди этнографов⁶⁹.

Интересные исследования невербальной коммуникации детей провели некоторые этологи и социобиологи, изучив реакцию новорожденных на изменение окружающей среды. В результате были выявлены устойчивые различия по степени возбудимости у представителей основных человеческих рас: новорожденные европеоиды и негроиды легко начинали плакать, их было трудно успокоить, тогда как монголоиды демонстрировали прямо противоположную реакцию. В дискомфортных ситуациях (когда новорожденным затыкали нос рукой или клали в неудобную позу, направляли в глаза яркий свет) европеоиды и негроиды оказывали активное сопротивление, а монголоиды спокойно продолжали лежать, не пытаясь изменить положение тела, переключались на дыхание ртом, быстрее прекращали моргать при ярком свете⁷⁰. Межэтнические различия отмечены по степени адаптации младенцев к окружающей среде. Сравнение детей японцев, китайцев и навахо выявило повышенную чувствительность и раздражимость у японских детей; по адаптации к свету, реакции на затыкание носа, скорости успокоения японские дети больше

⁶⁴ Ekman P. Cross-Cultural Studies of Facial Expression//Darwin and Facial Expression. N. Y., 1973. P. 169—222; Hooft J. A. R., van. The Comparison of Facial Expression in Man and Higher Primates. Methods of Inference from Animal to Human Behaviour. Chicago, 1976. P. 165—196.

⁶⁵ Masters R. D. Beyond Reductionism: Five Basic Concepts in Human Ethology//Human Ethology, Claims and Limits of a New Discipline. Cambridge, 1979. P. 265—284.

⁶⁶ Eibl-Eibesfeldt I. Similarities and Differences Between Cultures and Expressive Movements//Nonverbal Communication. N. Y.; L., 1972. P. 297—314.

⁶⁷ Ekman P. Op. cit.

⁶⁸ Hooft J. A. R., van. Op. cit. P. 182.

⁶⁹ Birdwhistell R. L. The Kinesic Level in the Investigation of the Emotions//Expression of the Emotions. N. Y., 1963. P. 123—139.

⁷⁰ Freeman D. A. Op. cit. P. 146.

походили на навахо, чем на китайцев. Существование межэтнических различий в общении матерей с младенцами описано Д. Фриманом⁷¹. Матери-англичанки чаще общались с детьми с помощью вербальной коммуникации, и дети реагировали на это, активно двигая руками и ногами, а матери-навахо отличались исключительной молчаливостью, для привлечения внимания младенцев они использовали глаза, и дети ответно реагировали взглядом, но оставались при этом неподвижными.

В настоящее время трудно отрицать существование врожденных расовых различий по способности к адаптации, связанных с исходной степенью развития психомоторики и физической координацией. Негронды по этим показателям значительно опережают монголоидов и европеоидов; новорожденные африканцы способны держать голову и даже пытаются ползти в первые сутки своей жизни, они раньше начинают ходить (в среднем на месяц по сравнению с европеоидами и на два — с монголоидами)⁷². Несомненно, индивидуальные врожденные особенности поведения оказывают влияние на формирование определенного психологического типа у представителей разных этнических групп. Зависимость вариаций в форме проявления улыбки, злости, легкости полового возбуждения от этнической принадлежности у представителей одной расы признается в настоящее время большинством этологов и социобиологов⁷³. Как писал в своей классической работе Я. Я. Рогинский, «психологический тип эскимоса иной, чем индейца дакота, тип андаманского пигмея отличен от типа туземца Австралии арунта, но решающая роль этих отличий не может быть установлена без анализа истории их формирования, не говоря уже о значении социально-экономической формации и сводимых к ней взаимоотношений между членами коллектива»⁷⁴. Среда способна оказать огромное влияние на формирование определенного психологического типа. Известно, что принципиальные различия психического типа могут иметь место у близких в антропологическом отношении этносов (например, у коряков и тунгусов)⁷⁵.

Подводя итоги, следует сказать, что этология может способствовать не только анализу предпосылок антропосоциогенеза, но и решению вопросов, связанных с поведением человека современного вида. Теоретическим фундаментом этологии человека в настоящее время являются признание принципиальных различий между функцией и причиной, эмоцией и поведением, недопустимость сведения социального уровня организации к сумме поведения отдельных индивидуумов⁷⁶. В свете этих представлений человеческие общности неправомерно сопоставлять с группами животных вследствие принципиальных различий, лежащих в основе формирования этих структур. По справедливому замечанию Дж. Крука, «человеческая общность формируется на базе лингвистических, общественных и моральных норм. С самого рождения человеческое поведение канализируется и структурируется этими нормами»⁷⁷. Этологические методы позволяют выявить качественную специфику человеческого поведения на всех уровнях: надпопуляционном, групповом и индивидуальном. Подробный этологический анализ особенностей человеческого поведения может оказаться продуктивным при исследовании этнических стереотипов поведения, невербальной коммуникации и целого ряда других вопросов антропологии и этнографии.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibid. P. 157.

⁷³ Ruse M. Sociobiology: Sense or Nonsense? Boston; London; Dordrecht; 1979.; Freeman D. G. Op cit. P. 150.

⁷⁴ Рогинский Я. Я. О психотехническом исследовании разных племен и народов // Наука о расах и расизм (Тр. НИИ антропологии при МГУ. Вып. IV). М., 1938. С. 99.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Masters R. D. Op. cit.

⁷⁷ Crook J. H. Problems of Inference in the Comparison of Animal and Human Social Organizations // Methods of Inference from Animal to Human Behaviour. P. 237—268